

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

А. Б. ЛИХАЧЕВА

Рассмотрение падежных парадигм, связанное с выходом за рамки одного языка, предполагает выработку основных методов исследования и установления принципов выделения форм, входящих в парадигматические ряды.

Представляется необходимым в первую очередь оговорить следующие моменты: каково количество падежей в обоих языках, на основании каких критериев может быть выделено определенное число падежей; что считать разными падежами и как понимать падежную омонимию.

Совершенно очевидно, что невозможно дать ответ на поставленные вопросы, не ответив на вопрос более существенный, точнее — основополагающий: что понимается под термином „падеж“?

1. А. А. Реформатский отмечал, что грамматической категорией (ГК) следует считать прежде всего совокупность однородных грамматических явлений при различии их форм, при этом единство той или иной категории обуславливается не способом выражения, а общим грамматическим значением (ГЗ). Напр., формы русских существительных *птицу, волка, стол* объединены общим значением вин.п., хотя материально именно это значение воплощается в них по-разному: *у-, -а, -о*. Ср. с литовскими существительными: *vugą, reišį, sūnų* — вин. п. ед.ч. оформляется аффиксами: *-ą, -į, -ų*.

Таким образом, по концепции А. А. Реформатского, термины „грамматическая категория“ и „грамматическая форма“ имеют существенное различие в том, что ГК не связана с каким-либо определенным способом выражения, тогда как грамматическая форма (ГФ) представляет собой необходимое единство ГЗ и грамматического выражения этого значения. „Меняя способ при сохранности значения или меняя значение при сохранности способа, мы получаем новые формы“ [Реформатский, 1960, с. 214, 258].

Итак, падеж — это ГФ слова. Но всякую ли ГФ того или иного слова мы назовем падежом?

Согласно положениям формальной школы Ф. Ф. Фортунатова (ранних курсов его лекций), следует различать такие формы: а) словообразовательные, б) словосложения, в) словосочетания (или флективные) и г) формы словоизменения, отличающиеся, по Фортунатову, от флективных тем, что „фор-

мы словоизменения представляют собой соотносительные формы словообразования, т.е. известная форма словоизменения предполагает по самому своему значению существование другой формы, отличие от которой и составляет ее значение“ [Фортунатов, 1883, с. 16–18].

К формам словосочетания, или флективным, следует отнести такие, которые выражают различные отношения слов в грамматических словосочетаниях (косвенные падежи, лицо у глаголов). „Изменение слов по такого рода формам называется флексией, и слова, способные изменяться таким образом, называются поэтому флективными“.

В одной из своих лекций Ф. Ф. Фортунатов дал следующую характеристику склонению и падежу: „Склонением в собственном смысле называется та флексия, которая состоит в изменении слова по падежам, а падежом в собственном смысле (косвенным падежом) называется такая флективная форма, посредством которой самостоятельное слово становится частью грамматического словосочетания“ [там же, с. 27].

По-видимому, „превращение“ самостоятельного слова в часть грамматического словосочетания может касаться не только имен существительных и вообще не только склоняемых частей речи, но и, напр., спрягаемых и даже наречий.

В связи с этим некоторые языковеды вводят подразделение на синтаксические и несинтаксические формы. Синтаксическими формами можно считать те, которые зависят от синтаксических отношений членов предложения по согласованию или управлению, а несинтаксическими – не зависящие от отношений членов предложения [Реформатский, 1960, с. 211].

Синтаксис А. М. Пешковского отмечает одну синтаксическую категорию у существительных – падеж (в отличие, напр., от прилагательных, где синтаксическими являются три категории: рода, числа и падежа) [Пешковский, 1938, с. 60].

Падежные формы – словоизменительные, т.е. несамостоятельные в синтаксическом отношении. Как упоминалось, Фортунатов именовал такие формы формами словосочетания, или флективными, относя к словоизменительным другой разряд ГФ. В более поздних курсах лекций, исходя из трактовки форм слов с точки зрения их значений, Фортунатов говорит о двух типах ГФ: „Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения... Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования... Следовательно, формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы, обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами слово-

образования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли“ [Фортунатов, 1956, с. 155].

Таким образом, в понятии „словообразовательная форма“ объединилось прежнее представление ученого о формах собственно словообразовательных и соотносительно словообразовательных („словоизменяемых“), а формы, выражающие различные отношения слов в грамматических словосочетаниях, названы словоизменяемыми.

Интересно, что в более ранних и полных курсах сравнительного языковедения под формами словоизменения (соотносительного словообразования) подразумевались формы числа в склонении (форма мн. ч. предполагает существование формы ед. ч., а форма ед. ч. — существование формы неединственного числа, т.е. мн., двойств. или др.); формы времени в глаголе также связаны подобным образом, ибо наличие форм прошедшего времени обуславливает существование форм не прошедшего, а формы настоящего времени — существование форм не настоящего времени.

Фортунатов предлагает изменение слов по такого рода формам называть, в отличие от флексии, мощией (*motio*).

Рассмотрим подробнее вопрос о том, включается ли изменение по числам в склонение, категорию словоизменяемую.

В работах А. М. Пешковского число у существительных определяется как словообразовательная несинтаксическая категория. А. А. Реформатский называет число несинтаксической, но словоизменяемой категорией.

М. В. Панов словоизменение связывает со стандартизованным значением морфем („формальных принадлежностей“, по Фортунатову; „формальных частей“, в отличие от „вещественных“, — по Пешковскому). Напр., в формах *брату, другу, учителю* стандартизовано значение адресата действия за счет флексии *-у*. Словообразование же, напротив, не предполагает стандартизованного значения, поскольку мена дериваторов (аффиксов) образует новые слова, а словообразующие морфемы не гарантируют строго определенного значения [Панов, 1966, с. 68 — 69]. Ср.: *выключатель, писатель; ночник, заочник*. Таким образом, формы числа, образованные морфемами со стандартизованным значением, по теории Панова, относятся к словоизменению, за исключением таких особых форм, как *красота — красóты, грязь — грязи* и пр.

Ф. Ф. Фортунатов, как упоминалось, формы числа называл соотносительным словообразованием, мощией. Но так как с изменением по падежам, т.е. флексией существительных, в индоевропейских языках неразрывно связано изменение по числам (мощия), то изменение по числам должно рассматриваться в склонении, т.е. фактически в словоизменении, как оно понимается в современной лингвистике.

Итак, падеж — форма, показывающая зависимость данного существительного от других слов. Причем признание существования хотя бы одного падежа предполагает признание существования иных (иной) форм (-ы). Даже в случаях с несклоняемыми словами (при условии, что в языке вообще существует склонение) можно предположить омонимию форм, как напр., в склоняемом слове *дочь* — *дочери* — род. п., дат. п., предл. п., *диона* — им. п., тв. п., *дионас* — род. п. ед. ч., им. п. мн. ч.

Вопрос в том, наличие какой именно формы (или нескольких форм) дает основание ожидать наличия иных форм у склоняемого слова.

Говоря о падежах, мы имеем в виду косвенные падежи, ибо форма им. п. не есть в прямом смысле падежная форма слова. Учение Фортунатова, конкретно — рассмотрение взаимовлияния моционально-флективных свойств форм склонения, позволяет выявить важное соотношение в значении некоторых падежных форм, в частности, соотношение значений именительного и косвенных падежей, с одной стороны, и соотношение значений именительного и звательного падежей — с другой.

Фортунатов писал, что в каждом из значений косвенных падежей „выражается несамостоятельность слова в этой форме, т.е. зависимость данного слова от словосочетания, и таким образом, каждый из косвенных падежей предполагает существование самостоятельной формы того же слова (т.е. формы этого слова вне сочетания его с другими словами. — *А.Л.*). Эту самостоятельную форму слова мы обыкновенно называем именительным, или прямым падежом. Понятно, что такое значение термина „падеж“, в применении к именительной форме, является неточным... Вернее было бы называть именительный падеж именительной формой“ [Фортунатов, 1883, с. 31 — 32].

Вне связи с косвенными падежами, по утверждению Фортунатова, не существует значение им. п., а именно: значение самостоятельности, независимости слова, — т.е. не существует сама форма им. п.

Если в языке существует хотя бы один непрямой падеж, он обязательно предполагает существование падежа прямого. Наличие же именительной формы само по себе не связано с неизбежным наличием в языке форм косвенных падежей.

„Итак, относительно термина „падеж“ надо иметь в виду, что в собственном смысле, т.е. в применении к косвенным падежам, он обозначает формы склонения в склоняемом слове, а в применении к форме склоняемого слова, называемой именительным падежом, термин „падеж“ означает отсутствие падежа как формы склонения в склоняемом слове, т.е., удерживая за термином „падеж“ его основное значение, можно определить так называемый име-

нительный падеж как непадежную форму склоняемого слова в ее отношении к формам склонения“ [Фортунагов, 1886, с. 3—4].

По существу, в цитируемых работах впервые вводится понятие маркированности: именительная форма как падеж определяется только признаком отрицательным по отношению к косвенным падежам“ [Фортунагов, 1883, с. 32].

М. Н. Петерсон выделяет лишь один случай, когда им. п. служит для выражения отношения между словами (в отличие от обычного положения, при котором к им. п. присоединяются другие слова, формы которых выражают отношение к слову в им. п.: *дерево растет, цветущий сад*), а именно, когда отношение между словами выражено тем, что оба слова стоят в одинаковых падежах, напр.: *осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, эти господа всезнайки встречаются иногда* [Петерсон, 1929, с. 38].

В литовском языке выделяют в качестве особых функций им. п. еще им. места и им. времени: *Jau kelintas mėnuo, kai jis serga* и *Jis gyvena du kilometrai nuo miesto* („Уже несколько месяцев, как он болен“ или букв.: „Уже который месяц, как он болен“ и „Он живет в двух километрах от города“ или букв.: „Он живет два километра от города“) [Мустейкис, 1972, с. 50].

По нашему мнению, выделение им. времени лишено оснований, поскольку существительное в этой форме как в русском, так и в литовском языках является ничем иным, как подлежащим в эллиптическом обстоятельственном придаточном предложении. Ср.: Уже который месяц он болен (которую неделю) — вин. п.; Уже который месяц (пошел, идет), как он болен (которая неделя пошла) — им. п. То же самое в литовском языке: *Jau kelintą mėnesį (kelintą savaitę) jis serga* — вин. п.; *Jau kelintas mėnuo (kelinta savaitė), kai jis serga* — им. п.

Дело в том, что в обоих языках более распространены эллиптические конструкции подобного рода, хотя сфера их применения, по-видимому, ограничена в основном разговорным стилем речи.

Что касается выделения им. места как одной из функций литовского им. п., оно представляется более правомерным, с той лишь оговоркой, что такие конструкции встречаются в современном литовском литературном языке крайне редко.

2. Известное расхождение между формальным и семантическим истолкованием термина „падеж“ сводится к вопросу: можно ли считать различными падежи, нетождественность которых никак не выражена внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос будет положительным, при формальном — отрицательным [Зализняк, 1973, с. 55].

Ясно, что при узко формальном понимании падежа возможны разные точки зрения на то, что именно позволяет считать два падежа различными.

Вообще каким образом, руководствуясь исключительно формальными критериями, возможно разграничить словоформы, представляющие два разных падежа, состоящих в отношениях омонимии (напр.: *письмо подруге* — *разговор о подруге* — дат. и предл.; *pasirodė gīgia* и *ėjo gīgia* — им. и тв.), и словоформы, являющиеся репрезентантами одного и того же падежа — при формальной несхожести (напр.: *женой* — *женою* — тв.; *paslapy* — *paslapyj* — *paslapyje* — местн., *dantimi* — *dančiu* — тв.).

Исследуя падежную систему того или иного языка, мы неминуемо сталкиваемся с парадоксальным явлением: оказывается, зная, что представляют собой падежи в целом, не всегда просто установить, что представляют собой падежи разные, в чем их различие. Ведь, напр., М. Н. Петерсон, разбирая количество русских падежей, точнее — подсчитывая формы, писал, что их пять, но не во всех типах склонения. Ср.: *кость* (им., вин.) — *кости* (род., дат., предл.) — *костью* (тв.) — три падежа; *сто* — *ста* — два падежа. Есть слова и несклоняемые, изменяемые по падежам лишь в просторечии *метрóm* [Петерсон, 1952, с. 159].

В литовском языке в ед. ч. только в склонении на *-a* (*-à*) существительные типа *jūga*, *gankà*, *valdžià*, *gigià* имеют одинаковые формы в им. и тв. падежах. Однако в том же типе склонения есть формы типа *žmonà* (им.) — *žmóna* (тв.), где полная внешняя омонимия нарушается перемещением ударения с флексии на основу.

Существует и совпадение падежных форм ед. и мн. ч. у существительных типа *vištos*, *draūgės*, *giesmės* (склонение на *-a* и *-ė*) — род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.; *akis*, *medūs* (склонение на *-is* и на *-ūs*) — им. п. ед. ч. и вин. п. мн. ч. Но сравним со словами типа: *salōs*, *valdžiōs* (род. ед.) — *sālos*, *vāldžios* (им. мн.), а также: *širdis*, *sūnūs* (им. ед.) — *širdis*, *sūnus* (вин. мн.), где вновь показателем именно омонимии, а не семантического равенства падежных форм выступают разные типы ударения.

В целом же в литовском склонении наблюдается гораздо меньше омонимичных форм, чем в русском.

Таким образом, может показаться, что количество падежных форм в разных типах склонения может быть разным, более того — что оно может не совпадать даже внутри одного и того же типа склонения — это, как мы видели, касается не только русского, но и литовского языка.

В синтаксисе уже давно известен метод, который, по всей вероятности, полезно было бы применить в решении вопроса о количестве падежей в языке. Мы имеем в виду работу Р. И. Аванесова, посвященную разбору второстепенных членов предложения как грамматических категорий [Аванесов, 1936, с. 55—60].

В связи с различным толкованием способов выделения второстепенных членов предложения представителями формальной школы, по мнению которых второстепенные члены предложения выделяются по их формально-морфологическим приметам, по тому, какой частью речи или формой выражен тот или иной член предложения, и сторонниками логического подхода, согласно которому второстепенные члены предложения выделяются по значению, автор пытается ответить на вопрос: являются ли второстепенные члены предложения понятиями грамматическими? Не есть ли это чисто смысловые, логические понятия?

Признавая в целом более правильным логический подход ко второстепенным членам предложения, автор настаивает на том, что они являются ГК.

В современном русском языке (как и в литовском) нет полного параллелизма между частями речи и членами предложения, однако члены предложения могут быть морфологизованными (выраженными предназначенной для данной синтаксической функции формой, напр., им. п. существительного — морфологизованное подлежащее, деепричастие — обстоятельство и т.д.) и неморфологизованными, чисто синтаксическими (выраженными формой, не специализированной для данной синтаксической функции).

Оригинальность и практическая ценность концепции Р. Аванесова заключается в следующем выводе: „Соотносительность определенного морфологизованного члена предложения (М) с тем или иным неморфологизованным (НМ) является основным грамматическим (при этом специфически синтаксическим) признаком, который позволяет относить последний в ту же синтаксическую категорию, что и первый“ [там же, с. 56]¹.

Для примера рассмотрим несколько предложений на русском и литовском языках: *Это ^Ммашины ^{НМ}вещи и ^{НМ}сестры* — определения, *Рассказывали о поездке увлеченно и с восторгом* — обстоятельства образа действия; *Jis gašo gražiai ir be klaidų* — обстоятельства образа действия, *Užėjau pas brolių ir namo* — обстоятельства места.

„Сочинительная связь между соподчиненными членами предложения, выраженными разными морфологическими категориями, является формально-грамматическим признаком тождественности их синтаксической функции“ [там же, с. 58].

Таким образом, каждая языковая категория, по мнению Аванесова, выделяется как категория благодаря своей соотнесенности с другими соответствующими категориями.

¹ (М) и (НМ) — символы наши.

Разделяя этот тезис, мы тем самым можем применить описанный метод к определению числа падежей².

В русском языке в словах м.р., обозначающих неодушевленные предметы, вин. п. совпадает по форме с им. п. Слова м.р., обозначающие одушевленные предметы, имеют одинаковые формы в им. и род. падежах. Но сравним:

<i>горит свет₁ и свеча (им.)</i>	}	<i>свет₁ ≠ свет₂</i>
<i>зажгу свет₂ и свечу (вин.)</i>		
<i>книги мальчика₁ и девочки (род.)</i>	}	<i>мальчика₁ ≠ мальчика₂</i>
<i>вижу мальчика₂ и девочку (вин.)</i>		

В словах ж.р. тоже имеются примеры омонимии, выявить которые можно с помощью контекста, а также по „соотнесенности“ с другими формами, где подобная омонимия отсутствует:

<i>благодарность учителю и учительнице₁ (дат.)</i>	}	<i>учительнице₁ ≠</i> <i>≠ учительнице₂.</i>
<i>разговор об учителе и учительнице₂ (предл.)</i>		

В том же типе склонения совпадают формы род., дат. и предл. падежей ж.р. (*тали, липи*), в то время как в м.р. эти формы различны (*города, городу, (о) городе*).

Во мн. ч. во всех типах русского склонения существуют пять по-разному звучащих форм, поскольку вин. п. по своему формальному выражению совпадает либо с им., либо с род. п. (*льды, моря и детей*).

Формы тв. п. не вступают в омонимические отношения с формами других падежей. Поэтому в русском склонении мы насчитываем не менее шести падежей.

Что касается падежной омонимии в литовском языке, то здесь число падежных форм совпадает с традиционно выделяемым количеством падежей, исключения же составляют незначительный процент всех падежных форм, о чем мы уже упоминали.

Во всех таких случаях нетождественность реляционных форм, омонимичных в одном слове (*įtga* — им., тв. ед. ч.), легко выявить путем сопоставления со словами, у которых разные синтаксические отношения сопровождаются разными формами:

<i>apiešti akmuo ir dūona₁</i>	}	<i>dūona₁ ≠ dūona₂</i>
<i>natiurmortas su akmeniu ir dūona₂</i>		

Таким образом, в литовском языке в гораздо меньшей степени, чем в русском, возможны колебания и различные толкования, связанные с числом падежей.

² Кстати, приблизительно так и поступают авторы „Очерка грамматики русского литературного языка“ [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 112].

Авторы раздела „Литовский язык“ [1966] выделяют в качестве седьмого члена парадигмы литовского склонения зв. п.

Рассматривая значение звательной формы в ее отношении к формам им. и косвенных падежей, Ф. Ф. Фортунатов замечает: „Звательная форма по своему значению не только не есть сама по себе падеж, но и не стоит ни в какой связи с косвенными падежами. Косвенные падежи не предполагают существования звательной формы, а потому и при отсутствии в языке косвенных падежей звательная форма может существовать. Значение звательной формы состоит в том, что она выражает, что данное название живого существа или предмета, представляемого живым, употребляется говорящим при обращении в речи к этому живому существу, которое носит это название“ [Фортунатов, 1883, с. 33].

Значение звательной формы самостоятельного слова предполагает не склонение этого слова (в этом ее сходство с формой именительной), а напротив, „существование того же слова как названия предмета речи в незвательной форме, и эта незвательная форма самостоятельного слова является именительной формой...“ [Фортунатов, 1885, с. 117–118].

Ф. Ф. Фортунатов, таким образом, относит именительную и звательную формы не к собственно падежным (формам словосочетания, или флективным). „Соотношение именительной и звательной форм образует... то, что я называю мощей слова, т.к. звательная форма есть такая словообразовательная форма, которая предполагает существование другой, незвательной формы, вследствие чего и незвательная форма предполагает существование звательной. Эта мощь не связана с флексией, т.к. звательная форма не предполагает существования косвенных падежей, и если мы рассматриваем звательную форму в склонении, то имеем в виду, что незвательная форма, при существовании в языке косвенных падежей, становится вместе с тем именительной формой, или именительным падежом“ [Фортунатов, 1883, с. 34–35].

Говоря о количестве русских падежей, мы отметили, что их не менее шести. Как известно, вопрос о том, следует ли выделять второй род. и второй предл. п., остается по существу открытым.

По мнению М. В. Панова, разграничения двух родительных в современном русском языке не существует. Нет особого род. п. со значением количества (*сыру, чаю*) и особого род. п. со значением качества (*сыра, чая*). Тем более, что подобное варьирование не допускается, когда речь идет о таких формах, как *стола, дѣла, сада*, и о множестве других. Есть единый родительный со стилистически вариантными формами: формы с флексией *-у* принадлежат к разговорному стилю, а с флексией *-а* – к нейтральному [Панов, 1966, с. 97].

В литовском языке флексия род. п. (напр.: *šuns – šunies – šunio*) противопоставляются не как стилистические варианты, а как явления узуальные и неузуальные.

Предл. п. М. В. Панов подразделяет на предл. первый и предл. второй, соответственно вычлняя для них два обособленных значения: P_1 – значение объекта, которому посвящено действие (*поговорим о лесе*), P_2 – значение объекта, в пределах которого совершается действие (*были в лесу*).

При исследовании значений русских и литовских падежей представляется более удобным рассматривать литовский вин.п. в сопоставлении с предл. первым, а местн. п. – с предл. вторым.

Однако в данном случае мы вновь сталкиваемся с ограниченным набором русских существительных, у которых падежная парадигма может состоять из семи членов. Ср.: *в море – о море, в стране – о стране, в городе – о городе*; но: *в снеге / в снегу – о снеге, в веке / на веку – о веке*, в „Вишневом саде“ / *в вишневом саду – о „Вишневом саде“* и т.д.

Судьба род. и предл. падежей в современном русском склонении – вопрос сложный. Однако, на наш взгляд, нет достаточных оснований говорить о восьмичленной парадигме, признавая существование падежей „ущербных“, не развивших особых форм для значительного большинства существительных.

THE PRINCIPLES OF DISTINGUISHING CASES
IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES
(A comparative analysis)

A. B. LIKHACHOVA

Summary

The article deals with the problem of distinguishing case forms in Russian and Lithuanian from the point of view of the Moscow formal school, based on Fortunatov's theory. The relations between form and meaning are being investigated in the paper.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов, 1936 – Аванесов Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории. – Русский язык в школе, 1936, № 4.
- Аванесов, Сидоров, 1945 – Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. – М., 1945, ч. 1.
- Зализняк, 1973 – Зализняк А. А. О понимании термина „падеж“ в лингвистических описаниях. I. – В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Литовский язык, 1966 – Литовский язык. – В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. 1.
- Мустейкис, 1972 – Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. – Вильнюс, 1972.

- Панов, 1966 – Панов М. В. Русский язык. – В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, т. 1.
- Петерсон, 1929 – Петерсон М. Н. Современный русский язык. – М., 1929.
- Петерсон, 1952 – Петерсон М. Н. Введение в языкознание. – М., 1952.
- Пешковский, 1938 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
- Реформатский, 1960 – Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М., 1960.
- Фортунатов, 1883 – Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Литографированный курс лекций, читанных в 1882–1883 гг. – М., 1883.
- Фортунатов, 1885 – Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Курс 1884–1885 гг. – М., 1885.
- Фортунатов, 1886 – Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Курс 1885–1886 гг. – М., 1886.
- Фортунатов, 1956 – Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение, общий курс 1901–1902 гг. – Избр. труды. М., 1956, т. 1.

*Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса
Кафедра русского языка*

Декабрь, 1983